

ТЕОРИИ И ТЕХНОЛОГИИ АРГУМЕНТАЦИИ

СЕМАНТИКА АРГУМЕНТАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

С.В. Пискунова

Кафедра русского языка

Институт филологии

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

ул. Интернациональная, 33, Тамбов, Россия, 392000

В статье рассматриваются основные особенности семантики аргументации, ее функциональная значимость и способы ее репрезентации в структуре текста как основной единицы коммуникации. На материале фрагментов произведений русских писателей выявлены и описаны различные формы выражения сопоставительной, оценочной, иллюстративной и других вариантов аргументации в моменты порождения и восприятия речи, а также элементы лингвистического анализа текстовых компонентов.

Ключевые слова: коммуникация, текст, семантика, типы аргументации, репрезентация, анализ.

Традиционно семантика аргументации или аргументирующее содержание рассматривается как категория в текстах точных наук. Обоснованием для этого служит структура доказательства, в которую входят тезис, аргументы, а также вывод, во многом повторяющий тезис, который ранее сообщается читателю, собеседнику. Наличие такого способа передачи информации способствует развитию аргументированного типа речи, для которого характерна особая коммуникативно-познавательная функция, т.е. установление истинности какого-либо утверждения [3. С. 20].

Как известно, аргументативная семантика в тексте основывается на различных доводах рационального и иррационального характера в зависимости от коммуникативных установок автора и апеллирования к адресату. Происходит взаимодействие моментов порождения и восприятия информации, а при наличии знаний об исходном состоянии языковой системы и возможности проведения коррекции, которая необходима при допустимых нарушениях в процессе общения, результат может иметь положительный эффект. Поэтому, как отмечает Т.В. Юдина, процесс аргументации является неотъемлемой частью современной общественной жизни, даже если этот процесс — средство достижения отдельных интересов [4. С. 98].

Следует согласиться с мнением О.Н. Паршиной, что «аргументация — это сложная и многогранная интеллектуальная деятельность, включающая практически все сферы жизни человека, связанные с потребностью убеждения адресата в необходимости принятия выдвигаемого тезиса», т.е. «это разновидность коммуникативной деятельности», «средство убеждения, имеющее речевую форму выражения и апеллирующее к мыслительным способностям адресата и его личностным ценностям» [1. С. 100—101]. Наиболее продуктивно данный способ общения применяется в официально-деловых, научных, общественно-политических речевых ситуациях, когда автору сообщения необходимо убедить в правильности своего суждения и получить адекватное восприятие полученной информации. Коммуникативная функция таких текстов связана с рассказом о научных открытиях, общественно значимых событиях, личностных достижениях и т.п., что, в свою очередь, приводит к правильной, по мнению одного из коммуникантов, оценке фактов.

Принято считать, что в художественном тексте аргументация может быть представлена в рассуждениях автора и имеет субъективный характер, поэтому она подается в свободной форме, индивидуальна и достаточно эмоциональна, во многом дидактична. Следует, однако, учитывать и особенности рассуждения со стороны другого коммуниканта, т.е. читателя с его уровнем знаний, особенностями мышления.

Авторская индивидуальность рассуждений и доказательств может проявляться в различных типах текста, что является признаком их коммуникативной значимости. Так, в публицистическом стиле с его информативностью и стремлением к убеждению при помощи фактов достаточно часто используется прием личной оценки в качестве доказательств. Проанализируем комментарии почетного президента РФС В. Колоскова к футбольному чемпионату 2012 г., которые даны в статье «Евро — конец. Какие выводы сделает футбольная Россия» («Аргументы и факты», № 27 (1650), 2012. — С. 20).

Мы и футболистов развратили деньгами. «Зализали» их поощрениями за каждый выигранный матч. А потом удивляемся поведению игроков. Но ведь сами сделали из них небожителей!

Расчет на аргументативное воздействие в данном фрагменте выстроен точно: лексическая взаимосвязь по семантике (футболистов, выигранный матч, поведение игроков; мы и футболистов; развратили деньгами, поощрениями), оппозиции (мы и футболистов; удивляемся — сами сделали); актуализации («зализали», сделали... небожителей). Поэтому правомерно использование восклицательного предложения в конце рассуждения и в качестве доказательства на эмоциональном уровне.

Аргументативность в официально-деловой речи часто предусмотрена формой документов, которые также можно рассматривать как проявление ее другой разновидности классификационных типов текста.

Аргументация в структуре художественного текста представляет наиболее сложный семантический тип и может быть подразделена на подтипы. Прежде всего следует различать монологический и диалогический способ доказательств, среди которых встречаются внешние и внутренние, скрытые формы проявления. По-

следнюю разновидность можно считать авторской, так как при порождении текста его создатель выбирает индивидуальные способы оценки ситуаций, характеристик поведения, объяснения правомерности появления отдельных событий и т.д., например:

Обломов всегда ходил дома без галстука и без жилета, потому что любил простор и приволье (И. Гончаров «Обломов»).

Ключевые слова «простор» и «приволье» стали вспомогательным средством в аргументации правомерности его костюма и поведения, поэтому не случайно дальнейшее описание:

Туфли на нем были длинные, мягкие и широкие; когда он, не глядя, опускал ноги с постели на пол, то непременно попадал в них сразу.

Во втором примере анализ аргументационной семантики провести сложнее, так как нет традиционных синтаксических средств связи между частями: то, что требует доказательств — собственно доказательство при помощи союза *потому что*. В данном случае требуется выяснение содержания на лексическом уровне. Именно в определениях к слову *туфли*, которые были *длинные, мягкие и широкие*, заложено обоснование комфорта, так естественно необходимого Обломову, что он *не глядя и непременно попадал в них сразу*, когда опускал ноги с постели. У читателя не возникает сомнения в том, что герою это удавалось сделать безошибочно. И далее автор вновь в своем описании использует такой же прием:

«... можно было бы подумать, что тут никто не живет — так все запылилось, полиняло и вообще лишено было живых следов человеческого присутствия».

Художественная образность продолжает развивать авторскую аргументацию:

«...номер газеты был прошлогодний, а из чернильницы, если обмакнуть в нее перо, вырвалась бы разве только с жужжанием испуганная муха».

У читателя уже не остается сомнений об особенностях образа жизни главного героя; портретная характеристика, как и описание интерьера, завершены, и автор переходит к оценке поведения Обломова.

Поэтому обоснованным можно считать описание внутреннего состояния героя, когда И. Гончаров пишет:

Илья Ильич проснулся против обыкновения очень рано, часов в восемь. Он чем-то сильно озабочен. На лице у него попеременно выступал не то страх, не то тоска и досада. Видно было, что его одолевала внутренняя борьба, а ум еще не являлся на помощь.

Реальность озабоченности Обломова, которая еще не осознается, но уже отразилась на лице, последовательно подтверждается при помощи тематически близких слов: *страх, тоска, досада, внутренняя борьба*. Объясняется данное состояние тем, что *ум еще не являлся на помощь* и данное утверждение можно считать сопоставительным авторским аргументом. Правомерна и следующая информация:

Дело было в том, что Обломов накануне *получил* из деревни, от своего старосты, *письмо неприятного содержания*. Известно, о каких неприятностях может писать староста: *неурожай, недоимки, уменьшение доходов* и т.п.

Отличительной особенностью таких аргументированных единиц в структуре художественного текста является то, что они обычно связаны с описанием картины окружающего мира, имеют отношение к использованию текстовых единиц определенного тематического плана: природа, пейзаж; интерьер; портрет; пространство; профессионально-трудовая деятельность; отношения между людьми; исторические события и т.д. Спецификой грамматической формы таких текстовых единиц в отличие от единиц текста является также то, что они на основе информационного единства могут быть выражены всеми допустимыми в системе языка способами: от фонемы до текста, а также системы текстов в творчестве одного автора, объединения авторов по тематическому и историческому признаку [2].

Одним из продуктивных способов выражения аргументации в художественном тексте можно считать актуализацию лексико-грамматического компонента, но для этого необходимо адекватное восприятие информации культурологического характера. Данный эффект достигается за счет смысловой связи в тексте при регулярном повторении ключевых лексических единиц, их синонимов и слов-заменителей. Так, на основе повтора местоимения «я» и его грамматических форм произошло развитие аргументационного смысла на глубинном уровне в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», где автор доказал весь трагизм, нелепость, недопустимость возникшей ситуации, когда Петра Гринева, с его представлениями о долге, осознанием себя как личности, поместили в крепость, что противоречило его самооценке:

Меня привезли в крепость, уцелевшую посреди сгоревшего города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Он велел кликнуть кузнеца. Надели мне на ноги цепь и заковали ее наглухо, потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и темной конурке, с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решеткою.

Такое начало не предвещало мне ничего доброго.

Душевное состояние героя мотивировано противопоставлением, которое формируется за счет лексем *в крепость*, которая как бы не случайно оказалась уцелевшей среди сгоревшего города, сдали его *гусары караульному офицеру*, что не делает им честь, *заковали, оставили в тесной, темной конурке, с голыми стенами и окошечком*. Именно совокупность данных действий и предметов мотивирует вывод о том, что *такое начало не предвещало ... ничего доброго*.

Сходство в поиске аргументов, позволяющих понять цепь событий в личной жизни героя, можно проследить в рассуждениях Печорина (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»):

И теперь, здесь в скучной крепости, я часто, пробегая мыслью происшедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное?.. Нет, я бы не ужился с этой долею!

Следует отметить, что тема аргументации на лексическом уровне затем закреплена в структуре сложного синтаксического целого или абзаца. Поэтому в качест-

ве доказательств используются следующие рематические компоненты: *как матрос, разбойничьего брига, душа спасалась с бурями и битвами — выброшенный на берег, скучает и томится, тенистая роща, мирное солнце, ходит себе целый день по прибрежному песку, однообразному рокоту набегających волн, туманную даль, серых тучек, пустынной пристани*. Используя противопоставление, автор усиливает всю остроту душевного состояния героя, тем самым объясняя и оправдывая его поступки.

Художественная образность, порождаемая оценочным характером описания событий и места действия, часто приобретает особую иллюстративную дополнительную семантику. Так, А.С. Пушкин использует четкость, графичность изображения сгоревшего города, крепости, конурки с *голыми стенами и одним окошечком, загороженным железною решеткою*. Здесь сознательно не использован, а только предполагается один только черный и, возможно, белый цвет, что дополнительно создает семантику аргумента.

Продуктивным способом организации аргументативной семантики, которую можно выявить при определении собственно модели текста, можно считать функциональное распределение предикативных компонентов. Такое построение текста свидетельствует о внешнем типе аргументации, так как глагольные лексемы часто занимают рематическую позицию, создавая коммуникативную перспективу не только предложения, но и всего произведения. Примером может служить небольшой по объему, но семантически сложный текст А.И. Солженицына из серии миниатюр «Крохотки». Речь идет о «Вязовом бревне», где семантический повтор и одновременное противопоставление создает основу для аргументации: возникает необходимость доказать, почему, если *вяз и бревно — дерево*, то слово *вязовое* используется в качестве определения к другому слову, которое находится ниже на стилистическом и семантическом уровне в ассоциативном восприятии.

Сравним текст и его вариант на основе глагольных выборов:

Мы *пилили* дрова, *взяли* вязовое бревно — и *вскрикнули*: с тех пор, как ствол в прошлом году *срезали*, и *тащили* трактором, и *растливали* его на частим, и *кидали* в баржи и кузова, и *накатывали* в штабели, и *сваливали* на землю — а вязовое бревно *не сдалось!* Оно *пустило* из себя свежий зеленый росток — целый будущий вяз или ветку густо шумящую.

Уже бревно *положили* мы на козлы, как на плаху, но *не решались врезаться* в шею пилой: как же *пилить* его? Ведь оно тоже *жить хочет!* Ведь вот как оно *хочет жить* — больше нас!

Концентрация глаголов прошедшего времени в первой части противопоставлена личным формам настоящего времени в последующей аргументационной части текста. Кроме того, актуализирована роль авторских конструкций, которые правомерны, несмотря на вопросительную интонацию: *пустило из себя свежий зеленый росток — целый будущий вяз или ветку густо шумящую; положили мы на козлы, как на плаху; не решались врезаться в шею пилой*. И как вывод звучит фраза: *Ведь вот как оно хочет жить — больше нас!* Здесь аргументация обусловлена наличием глубинного содержания, заложенного в тексте, рассчитана на об-

разное восприятие информации, которая во многом связана с личными событиями в жизни писателя.

Оценка семантики аргументации должна проводиться с учетом не только структурных особенностей текста и его грамматической формы, но и с использованием знаний других наук, что одновременно связано с достижениями филологического анализа, без которого немислима оценка аргументации. К анализу текста имеют отношение все данные о свойствах языка и его коммуникативных возможностях, а также факты литературоведения, знаний об особенностях человека и его сообщества, законов развития мистерии и особенностей творчества в различных областях искусства, постижение природных, естественных и приобретенных явлений, учет накопленного опыта и перспектив его использования, изменения во всех направлениях. Происходит это потому — и вновь вступают правила аргументации, — что в тексте через его языковые знаки и авторское решение находят свое отражение различные стороны картины мира, реализуемые в текстовой коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Паришина О.Н.* Российская политическая речь: Теория и практика / Под ред. О.Б. Сиротиной. — М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
- [2] *Пискунова С.В.* Тайны поэтической речи (грамматическая форма и семантика текста): Монография — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002.
- [3] *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / Под ред. М.Н. Кожинной. — М.: Наука, 2003.
- [4] *Юдина Т.В.* Теория общественно-политической речи. — М.: Изд-во МГУ, 2001.

ARGUMENTATIVE SEMANTICS IN THE INFORMATION FIELD OF AN ARTISTIC TEXT

S.V. Piskunova

The chair of the Russian language
Institute of Philology
Tambov State University named after G.R. Derjavin
Internatsionalnaya str., 33, Tambov, Russia, 392000

The article describes the main features of the argumentative semantics, its functional significance and ways of its representation in the text structure of the text as the basic unit of communication. On the material of Russian writers' artistic works the author identifies and characterizes various ways of expressing comparative, evaluation, illustrative, etc. kinds of argumentation at the stages of speech generating and perceiving, as well as the elements of linguistic analysis of text components.

Key words: communication, text, semantics, argumentation kinds, representation, analysis.